

Образ всеобъемлющей "разрухи", о которой так выразительно сказано в повести М.Булгакова, явлен И.Буниным во множестве поистине карнавальных эпизодов, саркастически фиксируемых им.

Библейские пророчества вспоминают оба автора, размышляя о русской революции. Одно из них поразительно сближает их представления: не только показательной "меной местами": "Честь унижится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища... И лицо поколения будет собачье",- Бунин выписал эту библейскую строку, Булгаков же развернул ее смысл в карнавальном сюжете увенчания-развенчания шутовского короля в своей повести "Собачье сердце".

Поражающая своей странностью карнавализованная картина мира, изображенная писателями, не только усиливала ощущение трагизма происшедшего - она была и своеобразным способом эстетического противостояния случившемуся. У Бунина сама идея карнавала носила мрачный характер, Булгаков творчески развивал ее как один из вариантов "комического наведения порядка".

А.Д.Хуторянская

МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗАХ В.ШУКШИНА

В художественном мире В.Шукшина можно условно выделить пространство материальное и пространство духовное как составляющие целостной пространственной организации рассказов. Материальное пространство существует в таких конкретных формах, как предельно широкое и открытое природное пространство и вписанное в него локальное пространство города и деревни. Человек в мире В.Шукшина неизменно соотносится с материальным пространством, которое может быть созвучно или не созвучно ему. Герой писателя (чаще всего деревенский житель или выходец из деревни) легко и естественно чувствует себя в открытом пространстве природного мира и таком же открытом, почти слитом с ним пространстве деревни. Город же описывается как пространство перегородженное, ограниченное всевозможными барье-

рами, лишенное горизонта и потому "теснящее душу" ("Мастер", "Обида", "Ванька Тепляшин" и другие рассказы).

Неоднозначно соотносятся в мире В.Шукшина уровни города и деревни. Деревня располагается на первый взгляд заведомо ниже: в ней человек живет на земле, а не в домах, возносящихся вверх. Но писатель неслучайно не раз подчеркивает, что деревня у него расположена у подножия Алтайских гор, а потому "поднята несколько к небесам", и в этом поднебесном пространстве ширь и высь уравновешены степями и горами, соблюдена необходимая для самостояния дистанция между отдельными людьми и окружающими их предметами. В городе же действие тоже происходит внизу или в закрытом помещении, из которого не открываются "виды и горизонты". Теснота, скученность, "клетки-квадраты" квартир, "краешек неба" вместо горизонта - вот наиболее характерные приметы городского мира, лишаящего героя покоя и ощущения слитности с бытием. При этом шукшинская Вселенная расширяется, имея в центре именно деревню. Затем идут райцентр, областной центр, далекая Москва, загадочный юг и совсем уже запредельная граница, оттесненные на периферию сознания и бытования героев.

Духовное пространство в мире В.Шукшина (то есть мир души героев) включает фантазии, сны, реализованные и нереализованные мечты, воспоминания героев. Большинство героев писателя выделены неким духовным избытком, энергией, требующей выхода. Они чувствуют, что всякие внешние преграды, замкнутость жизненного пространства мешают их самореализации. Оказываясь в закрытом материальном пространстве, герои пытаются преодолеть эту закрытость в пространстве духовном. Они совершают духовные "воспарения", мысленно уносятся в необозримые дали в воспоминаниях и мечтах, видят во сне степи и небеса, либо "выключаются" из житейского мира, созерцая красоту природы, испытывая короткие мгновения единения со всем миром на фоне заходящего солнца и гор вдали.

"Воспарение" героев неизменно связано со страданием "от недостаточности яви и недоступности мечты" (В.Распутин). Но большинство из них неспособны к полету, и только в момент ярости, азарта могут "взмыть ввысь", чтобы оттуда уже "скружить" ястребом на реального или воображаемого обидчика ("Срезал", "Мой зять украл машину дров",

"Вечно недовольный Яковлев" и др.). Тоска по простору, мечта о нем - синоним тоски по душевной свободе. Мысленное пребывание в "огромнейшем просторе"- единственная возможность занять подобающее человеку место в мире. Неизменное возвращение в привычную и постылую замкнутость опредмечивает душевное страдание, зачастую неосознаваемое самим героем.

Невозможность найти свое место в мире, собственная нераскрытость и невысказанность побуждает героев В.Шукшина метаться в материальном пространстве, переезжая с место на место. "Захват" реального географического пространства для них есть способ преодолеть "теснящее душу" воздействие внешнего мира. Тому же служат взлеты и падения, блуждания, идеальные порывы и воспарения, совершаемые в духовном пространстве. Авторская оценка персонажа обычно прямо связана с тем, как герой "осваивает" материальное пространство и существует в пространстве духовном.

О.В.Черкезова

МЕХАНИЗМ ЖАНРОВОЙ МОДИФИКАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА "ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"

1. Традиционным для пушкиноведения является утверждение жанрообразующей функции автора в романе "Евгений Онегин". Очевидно, однако, что возможность дальнейшего развития этого направления связана с переходом от структурно-классификационного направления анализа повествовательных форм образа автора (автор-повествователь, автор-персонаж, лирический автор) к целостному исследованию философско-эстетического содержания авторского сознания, выступающего в качестве жанровой доминанты пушкинского романа в стихах.

2. Признание лирической природы авторского сознания в "Евгении Онегине"- тезис отнюдь не бесспорный для пушкиноведения, однако позволяющий существенно уточнить и конкретизировать представления о специфике жанрового синтеза, осуществленного в пушкинском романе как результат взаимодействия и взаимопроникновения двух стихий - лирики и эпоса. Подобный взгляд позволяет также рассматри-